

RU

Разночинская тема в полемике демократических журналов 1863-1864 годов: «Современник» и «Русское слово»

Печерская Т. И.

Аннотация. Цель состоит в выявлении направленности разночинской темы, во многом определившей стилистический дискурс противостояния «Современника» и «Русского слова» в 1863-1864 годах, обосновании ее идеологической функции в полемике по программным вопросам журналов. Рассматриваются особенности внутриредакционного вектора темы в «Современнике» второй половины 1850-х годов в аспекте формирования разночинского сюжета, позднее получившего внешнее развитие в конфликте журналов. Выявляется ведущая роль М. Е. Салтыкова-Щедрина в модификации сюжета, способах полемического заострения темы в проекции на актуальные общественные и литературные вопросы 1860-х годов. Анализируются основные аспекты противостояния журналов, отразившиеся в фельетонах, памфлетах, статьях обеих сторон. Научная новизна определяется выбранным ракурсом исследования полемики: идеологическое противостояние журналов рассматривается через призму социально-психологического разночинского сюжета. В результате исследования установлено, что на новом этапе разночинская тема, при сохранении семантических констант, существенно модифицируется в результате изменения ее функциональной направленности: социально-психологический вектор замещается идеологическим и мировоззренческим, что отражает программное расхождение двух демократических журналов.

EN

The raznochinty theme in the polemics of democratic journals of 1863-1864: “Sovremennik” and “Russkoe slovo”

T. I. Pecherskaya

Abstract. The research aims to identify the direction of the “raznochinty” (non-noble intelligentsia) theme, which largely determined the stylistic discourse of the conflict between the journals “Sovremennik” (The Contemporary) and “Russkoe slovo” (The Russian Word) in 1863-1864, and to substantiate the ideological function of this theme in the polemics over the journals’ programmatic issues. The research examines the features of the internal editorial vector of the theme in “Sovremennik” during the second half of the 1850s in terms of the formation of the “raznochinty” narrative, which later received external development in the conflict between the journals. The article reveals the leading role of M. Ye. Saltykov-Shchedrin in modifying this narrative and in the methods of polemical sharpening of the theme in relation to the pressing social and literary issues of the 1860s. The main aspects of the journals’ conflict, reflected in feuilletons, pamphlets, and articles from both sides, are analyzed. The novelty of the research is determined by the chosen angle of studying the polemics: the ideological confrontation between the journals is considered through the lens of the socio-psychological “raznochinty” narrative. The research established that at this new stage, the “raznochinty” theme, while retaining its semantic constants, underwent significant modification due to a change in its functional direction: the socio-psychological vector is replaced by an ideological and worldview one, reflecting the programmatic divergence of the two democratic journals.

Введение

Разночинская тема в контексте полемики журналов «Современник» и «Русское слово» представляет интерес в нескольких историко-литературных аспектах. Она продолжает развиваться в рамках своеобразного

журнального разночинского сюжета, изначально отразившего сословно-психологический характер взаимоотношений внутри «Современника» второй половины 1850-х годов. Движение сюжета продолжается на другом временном витке, в ожесточенном противостоянии журналов в 1863-1864 годах, однако в это время сюжет получает преимущественно идеологическую семантизацию. Разночинская тема во многом проявляет характер взаимопритяжения и взаимоотталкивания двух близких демократических журналов, на которые влияет не только идеологический и эстетический программные факторы, но и то, что Б. М. Эйхенбаум называл «литературным бытом». Новые или забытые факты, «выпадающие» из привычной системы, приводят к своего рода «перегруппировке материала», что, в свою очередь, позволяет увидеть новые смыслы в сложившейся прежде системе представлений о литературном процессе (Эйхенбаум, 2001, с. 49-50). В нашем случае перенос внимания с идеологии журналов на характер взаимоотношений непосредственных участников и контексты литературной журнальной жизни позволяют по-новому посмотреть на полемику журналов, оставившую столь яркий след в истории критики и журналистики середины XIX века.

Актуальность исследования определяется как необходимостью расширения и уточнения материала, входящего в историко-литературную область изучения взаимоотношений «Современника» и «Русского слова» первой половины 1860-х годов – периода их соперничества, так и востребованностью новых подходов к анализу самого материала. Введение «разночинского» ракурса, ранее не использовавшегося внутри этой темы, как нам представляется, позволяет посмотреть на материал в аспекте разночинского сюжета и его связи с «литературным бытом».

В задачи исследования входит:

- (1) рассмотрение внутриредакционного «разночинского сюжета» «Современника» как базового и его «внешней» модификации по отношению к полемическим задачам «Современника» и «Русского слова»;
- (2) выявление и интерпретация роли Салтыкова-Щедрина в возобновлении и оформлении направленности разночинской темы в полемике с «Русским словом»;
- (3) контекстный анализ состава «разночинского сюжета» «Современника» и «Русского слова» (распределение «ролей», коллизии, список предъявляемых обвинений и проч.).

В статье используется историко-литературный метод, позволяющий раскрыть заявленную разночинскую тему в историко-культурном и журнальном контексте 1860-х годов, выявить специфику журнального дискурса.

Теоретическую и историко-литературную базу составляют работы, связанные с изучением развития литературного процесса 1860-х годов, особенностей его историко-культурных проявлений в критике и журналистике этого периода в целом (Эйхенбаум, 2001; Евгеньев-Максимов, Тизенгаузен, 1939; Лотман, 1974; Егоров, 2009; Пенская, 2008; Воробьева, 2019; Кириллов, 2021).

Материалом послужили следующие произведения:

- Антонович М. А. Современные романы // Современник. 1864. № 4; Барские лакеи в «Русском слове» // Современник. 1865. № 3; Глуповцы в «Русском слове» // Современник. 1865. № 2; К читателям // Современник. 1865. № 5.
- Антонович М. А., Жуковский Ю. Г. Материалы для характеристики Некрасовым М. А. Антоновича. II. Postscriptum – Содержание и программа «Отечественных записок» за прошлый год. Ю. Г. Жуковского. СПб., 1869.
- Благосветлов Г. Е. Кающийся, но не раскаявшийся фельетонист «Современника» // Русское слово. 1864. № 4.
- Гончаров И. А. Отчет о чтении журналов и газет за 1864 г.; Общие заключения об изданиях «Нувелист», «Собрание иностранных романов» <...> «День», «Современник» за второе полугодие 1863 г. // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2014. Т. 10.
- Елисеев Г. З. Из воспоминаний // Антонович М. А., Елисеев Г. З. Шестидесятые годы. Воспоминания. М. – Л.: Academia, 1933.
- Зайцев В. А. «Ты пойми, пойми, мой милый друг!» Романс в действии // Русское слово. 1864. № 4; Перлы и алмазны // Русское слово. 1863. № 4.
- Минаев Д. Д. Дневник темного человека // Русское слово. 1863. № 9.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Наша общественная жизнь // Современник. Январь, 1864; Наша общественная жизнь. Март, 1864. Статьи цитируются по: Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1968. Т. 6.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать его основные положения и материал при разработке курсов по истории русской литературы второй половины XIX века, истории русской критики, специальных курсов, посвященных изучению литературно-журнального процесса середины XIX века.

Обсуждение и результаты

Разночинская тема как составляющая внутриредакционного сюжета первоначально проявилась во второй половине 1850-х годов, когда в «Современник» пришло новое поколение сотрудников, разночинцев, стремительно изменивших идейную и эстетическую направленность журнала. Вопросы сословного различия (дворянский литературный круг основателей – разночинцы с семинарским прошлым) тесно переплелись с мировоззренческими и эстетическими. В дворянско-разночинском редакционном сюжете «Современника» перенос раздражения в сферу идейных разногласий скорее способствовал разночинскому самоутверждению, завершившемуся, как известно, расколом редакции и выходом ведущих деятелей из ее состава в конце 1850-х годов.

С уходом «старых приятелей» Некрасова (А. Н. Пыпин) тема, казалось, себя исчерпала и была закрыта. С этой точки зрения ее возобновление, сама полемическая направленность, теперь уже вовне – по отношению к близкому демократическому журналу, не может не привлекать внимание.

В статье будет затронут самый острый этап полемики «Современника» и «Русского слова» – 1863-1864 годы, отмеченный крайней степенью скандальности. Именно в эти годы разночинская тема возникла и стала инструментом полемики двух журналов. Забегая вперед, отметим, что после столь яркой манифестации она окончательно и бесследно сошла на нет. И. А. Гончаров как член Совета по делам книгопечатанья в «Отчете о чтении журналов и газет за 1864 г.» отмечает сосредоточенность «Современника» преимущественно на полемике с «Русским словом», в частности, он так пишет об её особенностях: арена «частных ссор между личностями журналов, причем не были пощажены даже детали домашней жизни», когда «препирания» доходили «до брани, до школьнических выходок, прозвищ и прочего безобразия», все средства были хороши (2014, т. 10, с. 124). Хроника полемики и ее суть подробно описаны уже современниками, в том числе в мемуарах, и далее несколькими поколениями исследователей, что позволяет остановиться только на отдельных эпизодах в аспекте заявленной темы (Гиппиус, 1933; Евгеньев-Максимов, Тизензаузен, 1939; Рейфман, 1970; Кузнецов, 1990; Пенская, 2008; Воробьева, 2019; Кириллов, 2021).

Если на первых порах «Современник» Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова воспринимался «Русским словом», вторым ведущим демократическим журналом, в качестве примера и даже образца, то теперь его авторитет оспаривался. «Дети» выросли и явно претендовали на место «отцов». Тема «отцов и детей» имела вполне определенный оттенок после романа Тургенева и ожесточенной полемики М. А. Антоновича и Д. И. Писарева, диаметрально расходившихся в его оценке. «Отцы» попадали в разряд отжившего поколения, несмотря на то что «дети» прямо наследовали идеи «Современника». Антонович (1864, № 4), обыгрывая название тургеневского романа в статье «Современные романы», в частности, посвященной «Взбаламученному морю» А. Ф. Писемского, «ошибочно» оцененному «Русским словом», прямо называет критиков «Русского слова» «критиками-детьми». Ирония Салтыкова-Щедрина – «дети будут рожать отцов, а яйца будут учить курицу» (1968, с. 232) – косвенно связана с этим положением дел (в обозрении «Наша общественная жизнь», январь, 1864 г.). Лишь отчасти противопоставление – отцы и дети – объясняется возрастом. К юным сотрудникам «Русского слова» можно отнести только Д. И. Писарева и В. А. Зайцева). Г. Е. Благодетель, например, редактор журнала, был близок по возрасту Чернышевскому, учился с ним в одной Саратовской духовной семинарии (Демченко, 1978, с. 224-229). Скорее, речь шла о более позднем появлении журнала-соперника на конкурентном журнальном поле.

Противостояние выглядело очень своеобразно: фактически оба журнала говорили на одном языке, исповедовали близкие взгляды и оперировали одними понятиями. В. Е. Евгеньев-Максимов отмечал: если посмотреть на список основных направлений публицистики обоих журналов, может показаться, что он сформирован совершенно одинаково: сатирическая антидворянская тема, тема «новых людей», проблемы воспитания молодого поколения, народная тема (Евгеньев-Максимов, Тизензаузен, 1939, с. 185). Эти направления можно распространить и на беллетристику обоих журналов. Д. Д. Минаев в «Дневнике темного человека» иронично замечал, что читатели «только потому отличают один журнал от другого, что у них обертки разные» (1863, № 9, с. 2). К важнейшим понятиям следует отнести реализм, дискуссию о котором развернули журналы, отстаивая каждый свое право быть единственным наследником и продолжателем идей Чернышевского (статьи «Реалисты», 1864; «Посмотрим!», 1865 – Д. И. Писарева; «Современная эстетическая теория», 1865 – М. А. Антоновича). Словом, каждый настаивал «на своей задаче быть впереди других», как пишет Гончаров (2014, с. 80) в «Общих заключениях» о ряде изданий журналов и газет за 1863 г. Это был тот случай, когда общность, с точки зрения конкуренции, мешала, и оба журнала пытались «отстроиться» друг от друга, сохранив первенство.

Напомним необходимый контекст: «Современник» и «Русское слово» после приостановки журналов в 1862 году и при последующем возобновлении находились в разных обстоятельствах, особенно в отношении состава редакции. В глазах многих читателей смерть Добролюбова, позже арест Чернышевского поставили статус и направление журнала под сомнение, которое развеялось далеко не сразу. Состав редакции «Русского слова» целенаправленно формировался Благодетельным под новые задачи после получения журнала от Г. А. Кушелева-Безбородко в полное управление. Если «Современник» потерял ведущего критика, то «Русское слово» его приобрело. Имя Писарева стало таким же знаковым, какими были имена Добролюбова и Чернышевского. Антонович, претендовавший на наследственный статус первого критика «Современника» после смерти Добролюбова, а теперь и утраты Чернышевского, тягаться с ним не мог, что, впрочем, компенсировалось пришедшим в журнал Салтыковым-Щедриным. В отличие от теперешнего «Современника» новая редакция «Русского слова» выглядела как спаянное демократическое сообщество с радикальным уклоном, очень напоминающее по стилю поведения – бытового и журнального – «разночинскую братию» из недавнего прошлого «Современника» времен Чернышевского – Тургенева.

Особенность теперешней ситуации – возобновление разночинской темы в 1863-1864 годах – определялась тем, что участниками конфликта были журналы с победившей разночинской идеологией. Как известно, разночинский комплекс идей, поведение не всегда были напрямую обусловлены социальным происхождением. Речь могла идти о сознательно выбранной тактике, в соответствии с которой стиль поведения предполагал антидворянские высказывания, они были обязательной частью и радикально-демократической программы. Дворянское разночинство зачастую выражалось не менее, а иногда и более агрессивно. Достаточно указать на Писарева, наряду с Зайцевым создавшим журналу репутацию «enfant terrible» журналистики, как выражался Салтыков-Щедрин. Особенно это касается фигуры Писарева, воплотившего журнальный образ

нигилиста, разночинца-радикала – неистовый темперамент, грубость, эпатажность, скандальность. Однако, по сути, только читателям он казался полностью изоморфным личности самого критика. Среда разночинского «полубурсацкого» журнального лагеря «Русского слова», в котором Писарев занял первое место и идеологом которого стал, вовсе не была ему своей. По рождению, воспитанию, образу жизни в детстве и ранней юности, образованию (в том числе домашнему) Писарев был и оставался дворянином в своей частной жизни (Печерская, 2023, с. 9–24).

Именно в «Современнике», сначала внутриредакционно, разночинско-семинарская тема, казалось бы, давно исчезнувшая, вновь актуализировалась после приостановки журнала в 1862 году. Обида Г. З. Елисеева, Антоновича на Некрасова за его слова о причинах закрытия журнала – «верно моя консистория что-то в нем напутала», причем якобы сказанных кому-то из высокопоставленных знакомых, привела к решению ведущих сотрудников покинуть журнал. Уговоры Некрасова и, по словам Елисеева, очевидное отпирательство от сказанных слов, помогли, и сотрудники вернулись, но неприятный осадок остался. Подробно, в деталях рассказывая об этой истории в мемуарах, написанных двадцать лет спустя, Елисеев недоумевает, почему эта история так оскорбила в свое время их с Антоновичем. Однако в том же контексте мемуарист не забывает отметить барский обиход поэта, его приверженность к «эпикурейству», словом, те его житейские черты, которые резко отдаляли сотрудников от редактора (Елисеев, 1933, с. 310–322). Эта разночинская подоплека недовольства только усилилась, когда в число соредакторов с возобновлением журнала вошел Салтыков-Щедрин.

По ряду признаков слово «консистория», обозначающее круг сотрудников, бывших семинаристов, не только было произнесено, от чего отрекся Некрасов, но его употребление являлось между Некрасовым и Салтыковым-Щедринным привычным. Сошлюсь на письмо Салтыкова-Щедрина Некрасову, написанное уже после того, как он, не без активной помощи других соредакторов, в частности, Антоновича, покинул журнал в 1864 году и вернулся на государственную службу. В следующем году он пишет Некрасову, что был бы не прочь опубликовать в журнале кое-что из нового, но не хотел бы «пройти через цензуру Вашей духовной консистории», другими словами, у него нет надежды угодить вкусу Антоновича (Евгеньев-Максимов, Тизензаузен, 1939, с. 25). Тот же стиль сохраняется и позже. Имеется в виду история с клеветническим памфлетом Антоновича и Жуковского, направленным главным образом против Некрасова, а заодно и против Елисеева и Салтыкова-Щедрина (Антонович, Жуковский, 1869). В этот период, в мае, описывая Некрасову, находящемуся за границей, обстановку в журнале, Салтыков-Щедрин, в частности, пишет: «Я хочу написать детский рассказ под названием “Повесть о том, как один пономарь хотел архиерейскую службу сослужить”, посвятить ее Антоновичу» (Евгеньев-Максимов, Тизензаузен, 1939, с. 26).

Отмечу, что, проявляя крайнюю чувствительность к ироническим замечаниям в свою сторону, Антонович считал возможным в пылу полемики пренебречь правилами некоей разночинской «семинарской корпоративности», как это свойство характеризует Л. Манчестер (2015). В фельетоне «Глуповцы в “Русском слове”» он пишет о лакейском положении Благодетеля, терпевшего унижительное положение ради покровительства: «...некогда в графской передней почивали, вместо лавров, на связке парадных гербовых ливрей» (Антонович, 1865, № 2, с. 371). Неприличие подобных аргументов в полемике осознавали и сотрудники редакции. Так, Елисеев в мемуарах пишет: «Наконец эта грызня (перебранка Антоновича с «Русским словом». – Т. П.) дошла до того, что г. Антонович в 1865 году, по остроумному выражению... Салтыкова-Щедрина, отправным пунктом полемики между “Современником” и “Русским словом” поставил положение, что Благодетель имеет обыкновение спать в передних на барских шубах; говоря проще, дошел до площадной брани» (1933, с. 284). Та же тема «барских шуб» повторяется в следующих номерах журнала – «Барские лакеи в “Русском слове”», «К читателям» (Антонович, 1865, № 3, с. 204; № 5, с. 106). Возможно, здесь не обошлось без зависти. Материальное положение Благодетеля менялось, как и его вкусы, причем, прямо пропорционально увеличивающемуся капиталу. Вкусы Благодетеля, отражающие его представление о богатой жизни, описал Б. П. Козьмин. Он отмечает покупку двух домов, которые были обставлены красным деревом, заграничной бронзой, хрусталем, а также приобретение имения, выезда, впечатляет и негр-лакей, выписанный также из-за границы (Козьмин, 1922, с. 228). Разумеется, эти сведения позднее не включались в жизнеописание редактора радикально-демократического разночинского журнала. Другое дело – «барские» наклонности Некрасова, живо обсуждавшиеся как современниками, так и потом некрасоведами.

Без преувеличения, Салтыков-Щедрин можно назвать центральной фигурой в полемике журналов, он же выступает и застрельщиком разночинской темы. Пренебрежительность и высокомерие Салтыкова-Щедрина воспринимались, прежде всего, как личное отношение, а не придуманная «партийная» журнальная маска. В фельетоне Благодетеля (1864, № 4, с. 67–74) «Кающийся, но не раскаявшийся фельетонист “Современника”» отмечено отсутствие светских манер и неумение «сморкаться в батистовые платки и одеваться у Шармера» воспринималось как личная аристократическая насмешка над демократическим сообществом «Русского слова». Та же тема развивалась в фельетоне Зайцева (1864, № 4) «“Ты пойми, пойми, мой милый друг!” Романс в действии».

По сути дела, иронические инвективы в адрес публицистов «Русского слова» строились на высмеивании их фанатичного увлечения Базаровым, как Салтыков-Щедрин считал, не без оснований, на подражании ему. В мартовском обозрении «Наша общественная жизнь» 1864 года он пишет:

«“Я демократ”, – говорит вам вислоухий и доказывает это тем, что ходит в поддевке и сморкается без помощи платка. “Я нигилист и не имею никаких предрассудков”, – говорит вам другой вислоухий и доказывает это тем, что во всякое время дня готов выбежать голый на улицу. И напрасно вы будете уверять его, что в первом случае он совсем не демократ, а только нечистоплотный человек, и что во втором случае он тоже не более как бойкий человек, без надобности подвергающийся себя заключению в частном доме, – не поверит он ни за что и вас же обругает аристократом и отсталым человеком» (Салтыков-Щедрин, 1968, с. 325).

Фельетонный почерк Салтыкова-Щедрина действительно отличает сатирический снобизм по отношению к сотрудникам «Русского слова». Так, например, в январском обозрении «Наша общественная жизнь» 1864 года Салтыков-Щедрин изображает обед у мецената (графа Кушелева-Безбородко, первоначального владельца журнала), на котором сотрудники «Русского слова» жадно уписывают аристократические яства, дотоле им неведомые: «Одного такого сиятельного меценат я знал даже в Петербурге... Я видел, как мрачный философ... Ризоположенский (Благосветлов. – Т. П.) пожирал фазана... я видел, как легкий философ... Семечкин (Соколов. – Т. П.) выпил разом три рюмки водки из богемского хрусталя и жадно искал ополоумевшими глазами колбасы... я видел, как Шекснинска стерлядь золотая сделалась жертвою плотоядности критика Кроличкова (Зайцева. – Т. П.)... я видел, как страдал мажордом мецената, стоя за стулом публициста Бенескриптова... я видел все это и страдал не менее самого мажордома. Я думал: “Как очутился ты здесь, бедный, трудящийся люд? что общего между тобой и этим гнилым расслабленным меценатом, у которого даже головы совсем нет, а есть вместо нее какое-то прозрачное на свет яйцо? Зачем притащился ты сюда с холодного твоего чердака, где, по крайней мере, честно зарабатывал свой незавидный кусок хлеба?”» (1968, с. 234-233).

В целом вполне очевидно, что картина явно гротескна. Писарева-Бенескриптова, замеченного на обеде, вряд ли можно было упрекнуть в отсутствии манер и жадной заинтересованности в яствах. До заключения в Петропавловскую крепость в 1862 году Писарев действительно бывал у Кушелева-Безбородко «на собраниях», что следует из показаний следственной комиссии. В качестве причины посещения «собраний» он указывает общение с литераторами, что вполне правдоподобно. При этом Писарев, конечно, не называет и другой интерес, более важный для него в этот время. Писарев был страстным и неуспешным игроком, много проигрывал. В записях его долгов отмечен Кушелева-Безбородко (как и сам Благосветлов). Список фигурирует в изъятых при аресте бумагах. М. К. Лемке отмечает, что «ключок бумаги с фамилиями и цифрами» вызвал большой интерес следствия, так что «Писарев расколодил комиссию, сказав, что это цифры его карточных долгов...» (1907, с. 89-189).

Встречно Салтыкову-Щедрина нередко указывали на его вице-губернаторский чин, «генеральскую» карьеру крупного чиновника. Так, Зайцев («Перлы и алмазны») обвинял критика в цинизме и высокомерии вельможи за критический отзыв о «Записках из Мертвого дома» Достоевского («...подобные произведения пишутся собственной кровью, а не чернилами с вице-губернаторского стола» (1863, № 4, с. 17)).

Подведем некоторые итоги. В иронично-пренебрежительных колкостях Салтыкова-Щедрина действительно было немало того, что нам известно из истории дворянско-разночинского конфликта в «Современнике» конца 50-х – начале 60-х годов. Известно прежде всего из писем, которыми обменивались «старые приятели» Некрасова, где они не сдерживали своего неприятия к новым сотрудникам. Известно и по мемуарам современников, правда, написанным много лет спустя, когда и конфликт, и многие его участники остались в прошлом. Отличие теперешней ситуации состояло в публичности насмешек, исходивших от «своих».

Нигилизм и прочие разночинские атрибуты, которые обыгрывались в полемике с «Русским словом», маркировали узнаваемую форму для памфлетно-публицистических нападок «Современника». Изначальный внутривредакционный сюжет, вторично теперь развернувшийся вовне, обрел все структурные черты «готового сюжета» (набор «ролей», колких тем, коллизий), но уже не столько социально-психологического, сколько идеологического по внутренней интенции и внешнему проявлению.

Заключение

Рассмотрев особенность проявления разночинской темы в полемике «Современника» и «Русского слова», мы пришли к следующим выводам.

В полемике двух журналов, напоминавшей современникам «бои без правил», Салтыков-Щедрин не без оснований ассоциировался с дворянской «реинкарнацией» прежнего «Современника», что, в свою очередь, позволяло сотрудникам «Русского слова» психологически ощущать себя в том же положении, в каком находились в свое время Чернышевский и Добролюбов, не только не сдававших своих наступательных позиций, но, напротив, шедших до конца и победивших. В глазах радикально настроенных читателей, сторонников «Русского слова», они и были таковыми. Однако в этом случае ситуация не повторилась. В итоге накануне закрытия журналов в 1862 году зафиксированное снижение подписчиков свидетельствовало, что читатели с обеих сторон явно стали терять интерес к непрекращающейся «грызне». Обострение отношений между двумя демократическими изданиями привело к утрате ведущих позиций. Салтыков-Щедрин вольно или невольно выступил своего рода «триггером», запустив процесс раскола демократических идей радикального толка, причем сделал это способом, хорошо известным по его сатирическим произведениям, другими словами, доведя их до абсурда. Закрытие журналов – именно с этой точки зрения – оказалось весьма своевременным. Некрасов и Салтыков-Щедрин начали заново с «Отечественными записками», состав которых значительно изменился. Журналу «Дело», такому же преемнику «Русского слова», также не удалось воспроизвести былой боевой дух, что, в числе прочего, было связано и с утратой Писарева, но больше – с изменившимся временем в целом.

Разночинская тема как инструмент идеологической полемики не возобновилась в новых журналах, однако она не исчезла в сословно-психологическом смысле, хотя и претерпела существенные изменения. Перспектива дальнейшего исследования связана с изучением проявления этой темы в аспекте «литературного быта» журнальной жизни «Отечественных записок» Некрасова и Салтыкова-Щедрина, довольно полно запечатленного в мемуарах, дневниках, письмах участников литературного процесса второй половины 1860-х – начала 1880-х годов.

Источники | References

1. Воробьева О. А. Журнал «Русское слово»: история формирования круга сотрудников и литературная позиция (1859-1862): дисс. ... к. филол. н. М., 2019.
2. Гиппиус В. В. Новые материалы по журнальной полемике Щедрина с «Русским словом» и «Эпохой» 1864 года // Литературное наследство (М. Е. Салтыков-Щедрин). М.: Жур.-газ. объединение, 1933. Т. 11-12.
3. Демченко А. А. Г. Е. Благовосветлов – товарищ Чернышевского по Саратовской семинарии // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: межвузовский научный сборник / под ред. Е. И. Покусаева. Саратов, 1978. Вып. 8.
4. Евгеньев-Максимов В. Е., Тизензаузен Г. Ф. Последние годы «Современника». 1863-1866. Л.: Художественная литература, 1939.
5. Егоров Б. Ф. Эстетические идеи в России XIX века. М.: Летний сад, 2009.
6. Кириллов В. Н. Раскол в нигилистах – раздор в нигилистах. К истории русской революционно-демократической журналистики 1860-х годов // Вестник Пермского университета. История. 2021. Вып. 3 (54).
7. Козьмин Б. П. Благовосветлов и «Русское слово» // Современник. 1922. Кн. 1.
8. Кузнецов Ф. Ф. Круг Д. И. Писарева. М.: Художественная литература, 1990.
9. Лемке М. К. Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского (по неизд. док.). СПб.: О. Н. Попова, 1907.
10. Лотман Л. М. Реализм русской литературы 1860-х годов XIX века: истоки и эстетическое своеобразие. Л.: Наука, 1974.
11. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / пер. с англ. А. Ю. Полунов. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
12. Пенская Е. Н. «Журнальное безобразие»: анатомия скандала в литературно-публицистических интерпретациях 1850-1860-х годов // Семиотика скандала / ред.-сост. Н. Букс. М.: Европа, 2008.
13. Печерская Т. И. «Накрахмаленный Базаров»: к вопросу о журнальной репутации Д. И. Писарева // Критика и семиотика. 2023. № 1.
14. Рейфман П. С. «Современник» и «Русское слово» перед расколом в нигилистах // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. XV. Литературоведение. Тарту, 1970. Вып. 251.
15. Эйхенбаум Б. М. Литературный быт // Мой современник. Маршрут в бессмертие. М.: АГРАФ, 2001.

Информация об авторах | Author information

Печерская Татьяна Ивановна¹, д. филол. н., проф.

¹ Новосибирский государственный педагогический университет

Tatyana Ivanovna Pecherskaya¹, Dr

¹ Novosibirsk State Pedagogical University

¹ ptatiana9@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.10.2024; опубликовано online (published online): 29.11.2024.

Ключевые слова (keywords): разночинский сюжет; журнальная полемика 1863-1864 годов; журнал «Современник»; журнал «Русское слово»; *raznochintsy narrative*; journal polemics of 1863-1864; journal “Sovremennik”; journal “Russkoe slovo”.